

*И. Д. Осипов***ПОЛЕМИКА О ПАТРИОТИЗМЕ В ЖУРНАЛЕ «РУССКАЯ МЫСЛЬ»
В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ***

Статья посвящена исследованию проблемы патриотизма в журнале «Русская мысль» в эпоху русской революции 1917 г. В статье анализируются идеи Е. Н. Трубецкого, П. Б. Струве по данной проблематике. В частности, исследованы особенности религиозной концепции государства и власти Е. Н. Трубецкого и концепция «Великой России» П. Б. Струве. Показано, что во многом на полемику между ними повлияла революционная ситуация в России, которая привела к обсуждению темы патриотизма. В статье также отмечены некоторые историко-философские предпосылки решения проблемы патриотизма, представленные работами славянофилов, западников, В. С. Соловьева. Библиогр. 2 назв.

Ключевые слова: философия, культура, патриотизм, личность, нация, свобода, государство.

*I. D. Osipov***CONTROVERSY ABOUT PATRIOTISM IN THE JOURNAL “RUSSIAN THOUGHT”
IN THE ERA OF REVOLUTION**

The article investigates the problem of patriotism in the journal *Russian thought* in the era of the 1917 Russian Revolution. The article analyzes the ideas E. N. Trubetskoi and P. B. Struve on this issue. In particular, we investigate the features of the religious concept of the state and authority E. N. Trubetskoi and the concept of ‘Great Russia’ P. B. Struve. It is shown that, in many ways, this controversy affected the revolutionary situation in Russia leading to a discussion of the theme of patriotism. The article also highlights some of the historical and philosophical background of the resolution of issues of patriotism as presented by the works of Slavophiles, Westerners, and V. S. Solovov. Refs 2.

Keywords: philosophy, culture, patriotism, personality, nation, freedom, state.

Февральская и Октябрьская революции вызвали бурную реакцию русской интеллигенции, и один из наиболее авторитетных литературно-политических журналов — «Русская мысль» — не мог обойти своим вниманием данную тему. История журнала типична для дореволюционных «толстых» журналов России. Он был создан в 1880 г. известным московским издателем, журналистом и переводчиком В. М. Лавровым. Изначально основная проблематика журнала имела междисциплинарный характер и была сориентирована на исследование проблем русской и мировой истории, социологии, экономики, права и философии. В журнале также публиковали свои произведения многие известные писатели, среди них — И. А. Бунин, А. П. Чехов, В. М. Гаршин, Н. С. Лесков, Максим Горький, В. Г. Короленко и др. На протяжении ряда лет редакционная политика издания строилась на основе мировоззренческого разнообразия; среди авторов были славянофилы и западники, народники и марксисты, либералы и консерваторы, верующие и атеисты. Журнал

Осипов Игорь Дмитриевич — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; idosipov@mail.ru

Osipov Igor D. — Doctor of Philosophy, Professor, St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; idosipov@mail.ru

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ (ОГОН) № 16-03-00623 «Отечественная философская журналистика 1917–1922 гг.».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

имел междисциплинарный характер: здесь печатались видные ученые и философы Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, Н. И. Костомаров, С. Н. Южаков, В. О. Ключевский, Р. Ю. Виппер, В. И. Герье, С. А. Муромцев, В. В. Лесевич, В. С. Соловьев, Н. Г. Чернышевский, Н. К. Михайловский. До начала столетия основное направление деятельности журнала в целом сохранялось, однако в эпоху Серебряного века выросло число статей на эстетические и религиозные темы. О них писали С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, Н. А. Бердяев, Л. Шестов, М. О. Гершензон, Д. С. Мережковский, З. Гиппиус, В. Я. Брюсов. Революционные события привели к тому, что в 1918 г. журнал был закрыт и далее печатался в Софии, затем в Праге и позже, до 1927 г., — в Париже. В последние годы его редактором был П. Б. Струве.

Рассматриваемая в статье тема патриотизма имеет непосредственное отношение к истории философии, и уже в Античности она была связана с решением вопроса о соотношении личного и полисного сознания: как известно, одно из обвинений в адрес Сократа заключалось в том, что его речи негативно влияли на юношество и нарушали законы полиса. Согласно Аристотелю в каждом типе правления существуют специфические предпосылки революции; для Стагирита вопрос о патриотизме требует решения проблемы обеспечения справедливости, свободы и закона в государстве. По своей сути патриотизм отражает онтологическое и экзистенциальное бытие того или иного народа, характер развития личности и нации. В русской философии вопрос о патриотизме был одним из принципиальных в дискуссиях славянофилов и западников, народников и марксистов, в спорах либералов и консерваторов. И полемика Е. Н. Трубецкого, П. Б. Струве, Н. А. Бердяева, Д. Д. Муретова в «Русской мысли» в 1916–1917 гг. интересна тем, что она актуализировала тему патриотизма в условиях мировой войны и революции, выявила некоторые теоретические и аксиологические подходы в постановке данной темы.

В дискуссии были предложены два основных взгляда на патриотизм.

Первый — позиция христианского универсализма и политического релятивизма. Она отражена в ряде книг и статей Е. Н. Трубецкого и во многом следует из концепции всеединства В. С. Соловьева. Е. Н. Трубецкой обозначил ее следующими словами: «Я неоднократно подчеркивал, что вся моя точка зрения именно религиозная, не моральная» [1, с. 78]. С этой точки зрения единый бог не может быть подменен никакими другими богами, и откровение безусловной, религиозной цели жизни обязывает осуществлять эту цель, жертвуя для этого всем остальным. И раз безусловная ценность и цель предполагаются всей человеческой жизнью, то она предполагается также и жизнью национальной и государственной. Поэтому, согласно Трубецкому, обожествление эмпирического государства или отдельных его форм должно быть отвергнуто как идолопоклонство — государство имеет относительное значение в сравнении с христианским идеалом. Вместе с тем, считал Трубецкой, реальное государство необходимо до поры до времени, чтобы предотвратить превращение общества в ад. В целом христианское понятие государства глубоко антиномично: государство оправдывается и в то же время считается ценностью относительной.

При этом, согласно Трубецкому, в отношении к государству выражается не сугубо политический материализм, а наоборот — бескорыстная забота о личном благополучии, религиозное отношение к бесчисленному ряду человеческих поколений и почтение к предкам. Идея государства имеет такое же значение, как и идея

человечества; государство выполняет положительную миссию, являясь особым аспектом сверхличного человеческого бытия. И руководствуясь данной мыслью, следует проводить христианскую политику. «Если религиозный идеал и религиозный смысл жизни не может быть осуществлен средствами политики, то все-таки политика должна быть ему так или иначе подчинена» [1, с. 97], — пишет философ. Мыслитель задает вопрос: представляют ли народ и государство чисто субъективную ценность, которая измеряется силой влечения человека к ним, или эта ценность объективная, для которой он должен жертвовать собой независимо от его чувства к народу? И отвечает: «Истинный патриотизм в своей расценке человеческих действий или совершенно не принимает во внимание силы индивидуального чувства, или, во всяком случае, принимает во внимание не ее одну. Сила индивидуального эроса, личного может быть гораздо больше, чем сила любви к Родине, и, однако, национальная этика властно требует от нас, чтобы в минуту опасности мы покидали наших жен и невест и шли защищать Родину» [1, с. 80]. По его мнению, влияние субъективного чувства, так называемого политического эроса, может привести к неустойчивости патриотического сознания. Сдерживает же людей в их поведении в отношении государства не чувство, а долг присяги; любовь к Родине есть нечто объективное и безусловно должное.

Мыслитель в связи с этим разделяет индивидуальную и национальную этики. Первая исходит из собственного мнения и интересов человека, а вторая строится на принципе объективной морали, требующей соблюдения социальных норм. Данная дифференциация позволяет объяснить моральные предпосылки феномена патриотизма: они могут лежать в субъективных ценностях человека либо социальных нормах. Согласно Трубецкому антиномии индивидуальной и национальной (государственной) морали преодолеваются в церкви, поскольку благодать Божия задает один и тот же императив поведения отдельного лица и государства в целом. Деятельность христианского государства не должна нарушать религиозно понятый категорический императив, он, безусловно предписывает известное отношение к человеку безразлично от личного отношения к нему. В этом контексте принципиальное значение для Трубецкого имеет понятие свободы личности. В своей теодицее он определяет свободу как внешнее проявление «отдельной твари от Бога и ее самостоятельности». Свобода внутренне противоречива: с одной стороны, она — условие подлинной любви к высшему существу, а с другой — источник греха из-за самоопределения человека и его отпадения от Бога. По мысли Трубецкого, фундаментальное противоречие между Богом, всеединым и миром преодолевается только в свободе личности. Свобода мира, которая может проявляться также и в бунте человека против мира, составляет необходимое, хотя и «отрицательное» условие «дружества» между Богом и миром. В любви человека к Богу воедино слиты свобода и всеединство, богочеловеческий процесс преображения человека представлен в виде свободного осуществления божественного замысла, который человек волен принять или отвергнуть. В мире все «двойственно», ибо все его части, с одной стороны, стремятся к всеединству, а с другой — противятся этому. Закон двойственности действует в неорганической, органической природе и обществе, проявляясь в борьбе человека между «ночной и дневной» сторонами его души. Но все же сохраняется, по Трубецкому, стремление человечества к всеединству, которое проявляется в соборном сознании и диалоге отдельных

человеческих истин. И творческий гений человека способен отличить добро от зла и действовать так, чтобы прийти к всеединству и полноте истин. Одно дело — признавать различие по содержанию государственной и индивидуальной этики, а другое — признавать государственную жизнь неподчиненной какой-либо этике. Утверждать, что обязанности индивидуальных или надиндивидуальных субъектов различны по существу и отрицать обязанности народов и государств — значит тем самым исходить из произвола национального и политического эроса. «Вся суть моих воззрений на национальную политику сводится к тому, что есть сверхнародная правда над народами, что у народов есть права, которые не должны попирались другими народами, что нужно уважать духовную личность каждого данного народа, что народы не должны глотать друг друга как звери», — утверждает Е. Н. Трубецкой [1, с. 88].

Понятие патриотизма для Е. Н. Трубецкого становится критерием нравственного единства субъективного и объективного сознания общества, он отражает способность человека к отстаиванию духовных ценностей и коренных жизненных интересов, обусловленных его бытием в государстве. Антиномия государственного закона и христианской благодати преодолевается тем, что «закон противопоставляется благодати не как ложное истинному, а как низшее — высшему, а как временная ступень — окончательному совершенству, причем самая эта необходимость мотивируется неспособностью человечества сразу, без исторической подготовки вместить в себя истину евангельского совершенства» [1, с. 84]. В своей концепции патриотизма Трубецкой исходит из ценности свободной личности. Он пишет: «Не надо пугаться величайших жертв для своего народа и государства; но нужно помнить о непременном их условии, о подчиненном значении государства и о том, что по сравнению с ним сам человек есть ценность высшая» [1, с. 93]. Если над любовью к своему народу нет высшего начала и высшей правды, то таков неизбежный конец; народы лишены возможности столкнуться друг с другом. В связи с этим национализм опасен тем, что потенциально способен расколоть общество и стать причиной дальнейшего социального разделения и революции.

Принципиальное значение имеет то, что истинный патриотизм для Трубецкого не носит частного, национально-государственного характера, а получает универсальный, общечеловеческий смысл. По его мнению, русские в период Первой мировой войны думали не только о защите России, но и о борьбе за свободу народов Бельгии, Сербии, Польши, боролись за освобождение всех славян. Это и должно стать основой российского патриотизма: «Ради самой России нам нужно верить в нее как в защитницу малых и слабых, как в освободительницу поработанных народов и поборницу Божьей правды на земле» [1, с. 98]. Нужно сохранить Россию не только для нее одной, но и для всего человечества.

Здесь отметим, что сформулированное выше понимание истинного русского патриотизма во многом тесно связано с русской историей. Чтобы «относиться к другим народам как к своему» (В. С. Соловьев), следует приобрести и соответствующий духовно-исторический и нравственно-религиозный опыт. Появление в русской философии понятий соборности, всеединства, всемирной отзывчивости отражает сам духовный процесс формирования категории патриотизма в философской культуре России. В других исторических и социокультурных условиях патриотизм мог приобрести другое, более локальное и ограниченное значение.

П. Б. Струве в ответ на статью Трубецкого изложил свою точку зрения на патриотизм в статье «Национальный эрос и идея государства». Он выступил сторонником правового, конституционного государства — «Великой России» и связывал его создание с патриотизмом и защитой личных прав и свобод. В связи с этим он формулировал постулат о необходимости выработки личной годности — дисциплины труда для всех социальных слоев общества. В личную годность входит комплекс моральных и трудовых характеристик личности, которые требуются для успешной работы на благо своего Отечества. Струве отстаивал принципы государственно-национального патриотизма, который исходит из психологического чувства сопричастности человека государству. По существу, он стремился придать формально-политическим основам государственной жизни личностно-эмоциональный характер, называя вслед за Д. Д. Муретовым данное отношение человека к государству политическим эросом. Это психологическое состояние не обязательно носит религиозный характер и может присутствовать и в светском государстве в той мере, в которой в нем выражено национальное единство. Струве пишет по этому поводу: «Мы живо любим нашу Родину и наш народ. Мы не знаем и не хотим знать, почему и зачем, мы любим без цели, мы отдаемся этому то спокойному, то жгучему и бурному чувству без всякой задней мысли... Мы любим Родину, как дитя любит мать. Но Родина нам не только мать. Она в такой же мере наше дитя. Мы в сознательной и бессознательной жизни, духовно и материально, одно поколение за другим, творим и растим нашу Родину» [2, с. 100]. В этих словах выражено особое двойственное состояние чувства патриотизма. Струве полагает, что чувство патриотизма имеет по-своему эротический характер, так как долг человека в отношении государства безличен и относится ко всякому человеку, а политический эрос — это индивидуализированное отношение, «живое, живущее и животворящее». Оно до конца не рационализируемо, и в нем дает о себе знать высшая сила, говорящая наперекор заповедям морали и внушениям разума, данная сила вызывает конфликты в душе более глубокие, чем конфликты нравственных обязанностей.

При этом Струве отмечает, что в государстве выражается бескорыстное, религиозное отношение к ряду сменяющих друг друга человеческих поколений, духовное общение с близкими и далекими людьми, живущими на этой территории. «Идея государства имеет такое же религиозное значение, как и известным образом идея человечества» [2, с. 102]. В словах философа заметно сходство с мыслями О. Конта, который писал о религии человечества как поклонении некоторому высшему существу. Споря с Трубецким и В. С. Соловьевым, Струве утверждает, что в государстве имеется божественно-космический аспект и оно не является средством обуздания зверя в человеке, а сохраняет нечто положительное как особый аспект сверхличного человеческого бытия. Исходя из этого противоречие политического эроса и нравственного закона является противоречием не внутри этики, а внутри совести. Когда человек идет на войну, он защищает не абстрактное государство, а нечто близкое ему душевно и эмоционально. Струве понимает патриотизм как социально-психологический феномен; для него тождественны государственное, национальное и индивидуальные атрибуты патриотизма. Они и образуют онтологическое единство государства. Патриот должен прежде всего думать о «Великой России», но его забота имеет и личный оттенок, поскольку включает эмоционально окрашенное отношение к государству как к своему дому-Отечеству. Тем

самым Струве вслед за Гоббсом пытается придать государству некоторую телесную форму и даже душу в духе философии органицизма.

Таким образом, существуют принципиальные различия двух концепций патриотизма. Трубецкой пишет о космополитическом и рациональном патриотизме. Это патриотизм персоналистический и универсальный. Струве же защищает патриотизм, в котором центральное место занимает положение государства-народа-нации. Интересы человека здесь вторичны, он защищает свое Отечество. Это отношение иррационально и в чем-то даже мистично.

Несмотря на эти расхождения, в понимании будущего России прогнозы мыслителей в целом подтвердились. Прав был Трубецкой, который предрек наступление эпохи порабощения государством человеческой души и победу «сатанизма» в Германии. Он также правомерно угадал будущие революционные события в России и мире.

Но оказался близок истине и прогноз Струве, который писал: «После войны, как реакцию тому огромному напряжению государственности, которую принесла война, я предвижу эпоху не духовного порабощения личности государству, а скорее наоборот — духовного бунта личности против государства, эпоху возрождения и углубления всяческого, религиозного и безрелигиозного анархизма» [2, с. 104].

Сама эта дискуссия оказалась полезна для исследования некоторых важных тенденций развития России и мира. Она интересна и для нынешних дискуссий о Российском государстве и будущем России.

Литература

1. Трубецкой Е. Н. Государственная мистика и соблазн грядущего рабства // Русская мысль. 1917. Кн. I. С. 74–98.
2. Струве П. Б. Национальный эрос и идея государства. Ответ кн. Е. Н. Трубецкому // Русская мысль. 1917. Кн. I. С. 99–104.

Для цитирования: Осипов И. Д. Полемика о патриотизме в журнале «Русская мысль» в эпоху революции // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 2. С. 201–206.
DOI: 10.21638/11701/spbu17.2017.207

References

1. Trubetskoi E. N. Gosudarstvennaia mistika i soblazn griadushchego rabstva [State mystique and lure of the future of slavery]. *Russkaia mysl*, 1917, vol. I, pp. 74–98. (In Russian)
2. Struve P. B. Natsional'nyi eros i ideia gosudarstva. Otvet kn. E. N. Trubetskoy [National eros and the idea of the state. Response to prince E. N. Trubetskoy]. *Russkaia mysl*, 1917, vol. I, pp. 99–104. (In Russian)

For citation: Osipov I. D. Controversy about patriotism in the journal “Russian thought” in the era of revolution. *Vestnik SPbSU. Philosophy and Conflict Studies*, 2017, vol. 33, issue 2, pp. 201–206.
DOI: 10.21638/11701/spbu17.2017.207

Статья поступила в редакцию 14 декабря 2016 г.

Статья принята в печать 15 декабря 2016 г.